

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 7

(1934)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1935

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

для всего человечества. Б. Бельпер, отдаваясь настроению заката (Европы?), тоже считает его общечеловеческим. Это весьма показательно! Но в противоположность этому нам хотелось бы еще раз услышать более бодрые ноты от нашего автора.

Совершенно ясно, что Б. Бельпер в состоянии дать и более ценные работы по истории даосизма, ибо он обладает и умением читать китайский текст и интересом к истории даосизма. Мы бы горячо посоветовали французскому синологу пойти по пути А. Масперо и, обратив более глубокое внимание на работы японских Китаеведов, не упускать из виду те ценнейшие материалы, которыми мы теперь располагаем благодаря изданию даосского канона. От Китаеведа, рекомендованного большим и серьезным журналом, мы вправе ожидать не менее серьезные и большие работы.

29 I 1934.

Ю. Щуцкий.

Грумм-Гржимайло, Г. Е. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период. Известия Государственного Географического общества, т. LXV, вып. 5, 1933, стр. 437—454,

Несмотря на громадное количество работ, посвященных природе Центральной Азии, мы до сих пор не имеем ни единой хорошей монографии по ее климату. Между тем климат, как один из факторов развития народного хозяйства, как в историческом разрезе, так и с точки зрения современного хозяйственного строительства, несомненно, заслуживал бы большего внимания.

Вот почему любая работа, посвященная синтезу уже имеющихся разрозненных сведений по климату Центральной

Азии, представляет всегда крупный интерес.

Настоящая статья Г. Е. Грумм-Гржимайло, в основу которой положены исследования, опубликованные им уже раньше в многочисленных трудах о природе и истории человеческого общества в Центральной Азии, вновь вызывает к жизни дискуссионный вопрос о причинах высыхания в Азии. Автор, суммируя большой материал, доказывает, что в течение исторического процесса за 3000 лет территория к югу от Сибири, к востоку от Каспийского моря, к северу от Иранского и Тибетского нагорий и к западу от Тихого океана подвергалась постоянному и интенсивному высыханию, которое вызвало в ней за это время рост пустынь за счет культурных земель. Положение это вряд ли может быть оспариваемо, так как многочисленные свидетельства этому представляют развалины городов и оросительных сооружений, разбросанные на протяжении всей этой территории, и в громадном количестве случаев находящиеся в районах, недоступных ныне сельскохозяйственной эксплуатации без применения высокой техники. Автор безусловно прав, указывая, что «главную роль в изменении природы сыграл в ней человек» (стр. 443). Прав он и в своих выводах, что не грандиозные войны, как, напр., походы монголов в XIII в., явились тому причиной. Конечно, основой всех этих изменений служила хозяйственная деятельность человека, постепенно истребившего леса по окраинам Центральной Азии, высушившего болота, дренировавшего почву каналами, дорогами и пр. Это привело к уменьшению влажности и усилению колебаний температуры и воздушных течений, благодаря чему прогрессировал процесс распада горных пород и создавались массы песка,

покрывавшие все большие и большие пространства. Данные, приводимые автором в этом отношении чрезвычайно убедительны. Однако им совершенно не затронут такой фактор хозяйственной деятельности человека, как, напр., вытраивание скотом растительности, закрепляющей почву, черезчур глубокая вспашка, обнажающая пески — явления широко известные. Не коснулся он также вопроса о прогрессивном засолении почв, отмеченном в работах Почвенного института Академии Наук СССР на территории Монгольской народной республики.

Вместе с тем нельзя не отметить, что ряд выводов автора, касающихся социальной и политической истории населения Центральной Азии, выводов связанных с представлением о чрезмерно быстром процессе высыхания, является весьма сомнительным. Так, напр., он неоднократно настаивает на тезисе о «значительной убыли населения в историческую эпоху» (стр. 447, 448 и др.), основываясь на не всегда правильно использованных статистических материалах. Считая, что население Восточной Монголии (повидимому, Барга, Жэхэ и Чахар) в XVII в. доходило до 150 тысяч, он на основе статистики Монгольской народной республики полагает, что с тех пор количество не должно было уменьшиться, упуская при этом из виду всю колоссальную китайскую колонизацию этих провинций. Касаясь же статистики населения Внешней Монголии, автор опирается на сомнительные китайские сообщения, что в VI—VIII вв. турки могли выставить 400 тысяч войск. Далее, он принимает известное сообщение о количестве войск в 100—125 тысяч, оставленных после смерти Чингиса в уделе Тулуя только для территории к северу от Хэрулюна и к востоку от Орхона, основываясь на своем личном

заключении, что это могли быть лишь те войска, на верность которых Чингис мог бы положиться. Поэтому автор твердо убежден в убыли населения МНР, достигающего в настоящее время около 700 тысяч. Нас не могут удовлетворить подобные рассуждения хотя бы потому, что монголы за последнее тысячелетие перешли к значительно более высоко развитому способу производства. Исторические данные тоже говорят о росте населения, правда, медленном, что объясняется застойностью, свойственной феодальному способу производства. К сожалению, автор очень мало учитывает социальный момент вообще, что доказывает выражение — «переселенцы в пределы Сибири не были беглецами от княжеского гнета, а вынуждены были покинуть Халху по причинам стихийного характера, это явствует между прочим из того факта, что во главе этих переселенцев стояли иногда их сайты (т. е. князья, вожди. *В. К.*)» (стр. 448—449).

Такая характеристика исторических событий XVII в. в корне противоречит не только современной концепции монгольской истории, но даже старой, дореволюционной.

Не менее странной представляется и другая концепция автора, характеризующая двумя его высказываниями, которые я здесь и привожу. «Очевидно, вся Средняя Азия в то отдаленное время жила жизнью, и близко не напоминающею современную. За протекшие века все в ней опустилось. Морально опустился в ней человек, утратила многие из своих производительных сил природа, и саван пустыни все более и более застигает ушедшее от нас ее прошлое» (стр. 452).

Другое: «Естественный подбор у человечества вызывался не только вымиранием менее совершенных и более слабых, но также и вымиранием более

сильного, деятельного, победоносного элемента; он мог гибнуть именно в силу своей большей деятельности и отваги и этим самым давать большую возможность размножения элементам сравнительно пассивным. Так вымерли древние типы греков, римлян, германцев, славян, уступив свое место другим типам арианизированных народностей, так вымерли и коренные монголы» (стр. 454, прим. 22). Таким образом здесь проводится теория закономерной деградации человечества, неизбежно ведущей по пути регрессии к его окончательному уничтожению. Корни этой теории Г. Е. Грумм-Гржимайло покоятся на его утверждении о существовании в Восточной Азии белокурой и светлоглазой народности великанов-динлинов, исчезнувших под натиском черноволосых и черноглазых племен, утверждении, по существу говоря, принадлежащем ему одному. Сущность этой гипотезы, высказываемой им и в ряде других работ, глубоко реакционна, так как это не что иное, как развитие на восточном материале той расовой теории, которая является орудием фашистской пропаганды в Германии и Японии.

Остается только пожалеть, что Г. Е. Грумм-Гржимайло, крупнейший из современных наших географов Центральной Азии, в области естественно-исторических исследований проделавший колоссальную работу с поразительными результатами, до сих пор продолжает придерживаться отвергнутых советской наукой концепций в тех случаях, когда он затрагивает вопросы развития человеческого общества.

3 I 1934.

В. Казакевич.

Lessing, F. *Führer durch die Ausstellung Mongolisches Volksleben im Staatlichen Museum für Völkerkunde.* Berlin, 1933, 16 S.

Как показывает само название, брошюра является не чем иным, как путеводителем по выставке, посвященной вопросам монгольской этнографии. Однако на самом деле — это небольшая статья, содержащая в самом сжатом виде характеристику Монголии в широком смысле этого слова. Автору, в течение 2 лет работавшему в составе последней экспедиции Свена Хедина, знаком лишь материал по Внутренней Монголии и, конечно, только в этом разрезе нужно принимать как самую выставку, так и эту статью. Она делится на следующие разделы: введение, название и история, культура, особенности характера, жилище монголов, одежда, кое-что об обычаях, религия. Последний раздел делится еще на четыре подраздела: ритуал, танец масок («цам». *В. К.*), погребение, старая вера (шаманизм. *В. К.*). Это перечисление в достаточной степени говорит за содержание работы, являющейся в высшей степени поверхностной даже для специфического посетителя западных музеев. Автору мало знакомы или совсем неизвестны труды по монголоведению, что видно из утверждений о том, что «основными исследователями монголов являются французы и англичане» (стр. 3), что «Внешняя Монголия представляет собой одну из советских республик» (стр. 5), что «большинство племен как Внутренней, так и Внешней Монголии оставили уже кочевой образ жизни» (стр. 6) и т. д. Калмыков автор идентифицирует с торгутами (стр. 5), утверждает, что «свойства характера монголов у разных племен различны» (!) (стр. 6) и т. п.

Появление такой работы все же нужно рассматривать как растущее